

Лит. Россия. - 1991. - 13 дек. - С. 16.

ГРАЖДАНИН РОССИЙСКИЙ

К 225-летию
со дня рождения
Н. М. КАРАМЗИНА

Исполнилось 225 лет со дня рождения Николая Михайловича Карамзина — человека, благодаря деятельности которого, по словам Аполлона Григорьева, русское общество начало жить нравственно. Многие поколения русских людей воспитывались на заветах того, кого современники называли «жи вотворным, лучезарным средоточием Отечества». Мне было лишь десять лет, — писал Ф. М. Достоевский — когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец: «Я вырос на Карамзине» — добавлял великий писатель.

К сожалению, кажется, такого не может сказать никто из ныне здравствующих соотечественников. Более семидесяти лет нашему народу был закрыт доступ к «Истории государства Российского» и другим вершинным творениям Карамзина. Вскоре после Октябрьского переворота главные труды Николая Михайловича решением Наркомпроса РСФСР (за подписью Н. К. Крупской) были изъяты из жизни русского человека. А в 1931 году в томе «Литературной энциклопедии», ответственным редактором которого был уже сам нарком Луначарский, о Н. М. Карамзине можно было прочесть такие строки:

«Литературная деятельность К. является выражением психологии среднепоместного дворянства в эпоху развития торгового и первых ростков промышленного капитализма... Вместе с тем литературное творчество К., обращаемое им ко «всей публике» (объявление об издании «Вестника Европы»), не только является выразительной манифестацией на-

строенный и чувствованиям ограниченного слоя — сред него дворянства, — но и прямо направлено на служение социально-экономическим интересам последнего».

И так — в продолжение почти трех четвертей века. Ибо даже в годы так называемой перестройки приходилось доказывать «держателям истины» в последней инстанции, что «История...» Карамзина не устаревший сентиментальный труд, что она нужна нашему народу и что он ее поймет.

И отмечая нынешний юбилей Великого Гражданина России, мы можем констатировать, что его произведения возвращаются к народу, о котором он, не отрывая себя от него, говорил: «Для нас, русских душой, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует; все иное есть только отношение к ней, мысль, провидение. Мыслить, мечтать мы можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России: если нет гражданина, нет человека, есть только двуногое животное с брюхом».

Предлагаем вниманию читателей строки о Николае Михайловиче Карамзине тех, кто читал, учил и знал историю государства Российского по Карамзину. А также публикуем «Записку 17 Октября» На этой «Записке», оставшейся в бумагах Карамзина, его рукой было приписано: «Читана Государю в тот же вечер. Я пил у него чай в кабинете, и мы пробыли вместе, с глазу на глаз, пять часов, от восьми до часу за полночь».

Потомство! Достоин ли я был имени гражданина Российского? любил ли Отечество?»

И сегодня, как и в те далекие годы, ответ есть только один: «Да, Вы достойны имени Гражданина Российского! Вы любите Отечество превыше всего».

Юрий ЮШКИН

«РОССИЯ НЕ БЕЗДУШНАЯ, БЕССЛОВЕСНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ...»

Как-то в одной из искренних бесед Император Александр I сообщил Карамзину, что хочет восстановить Польшу в ее древних границах. Карамзин воспламенился сразу же и, ушедши от него, написал свою знаменитую «Записку 17 Октября» (в Царском Селе).

«Государь! в волнении души моей, любящей Отечество и Вас, спешу, после нашего разговора, излить на бумагу некоторые мысли, не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке. Как мы говорим с Богом и совестью, хочу говорить с Вами».

Вы думаете восстановить древнее Королевство Польское, но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашею любовью к России и к самой справедливости?

Можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденную собственность России еще до Вашего царствования? Не кланяются ли Государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Россиею, когда Митрополит Платон вручал Вам венеч Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами назвали Великою. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали заглавить ее не-

справедливостью разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все Государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина ответствует Богу, ответствует Истории за свое дело, но оно сделано, и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное Российское владение. Старых крепостей нет в Политике: иначе мы должны были восстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское и так далее. К тому же и по старым крепостям — Белоруссия, Волыния, Подолия, вместе с Галициею были некогда коренным достоянием России. Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Досель нашим государственным правилом было: ни пяди ни врагу, ни другу! Наполеон мог завоевать Россию, но Вы, хотя и Самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хитины Русской. Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобили Россию бездушной, бессловесной собственности? Будете ли савольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заглагорассудите? Россия, Государь, безмолвна перед

Вами, но если бы восстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани) и произвела некогда историка достойного, искреннего, беспристрастного, то он, Государь, осудил бы Ваше великодушное как вредное для Вашего истинного Отечества, доброй, сильной России. Сей историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить Вам поляки, извиняем их, но Вам бы мы, Русские, не извинили, если бы Вы для их рукоплескания ввергнули нас в отчаяние.

Государь, ныне славный, великий, любезный, отвечаю Вам головою за сие неминуемое действие целого восстановления Польши. Я слышу Русских и знаю их: мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к Царю, остыли бы душою и к Отечеству. видя его игралищем самовластного произвола, ослабили бы не только уменьшением Государства, но и духом, унизились бы пред другими и пред собою. Не опустел бы, конечно, дворец. Вы и тогда имели бы министров, генералов, но они служили бы не Отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы. А Вы, Государь, гнушаетесь рабством и хотите дать нам свободу.

Одним словом... и Господь Сердцеведец да замкнет смертию уста мои в сию минуту, если говорю Вам не истину, одним словом, восстановление Польши будет падением России или сыновья наши обогреть свою кровью землю Польскую и снова возьмут штурмовать Прагу!

Нет, Государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верны-

ми союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных; а сильные презирают слабых; когда же усилятся, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века, и если не бессмерты телом, то бессмертны славой! В делах государственных чувство и благодарность безмолвны, а независимость есть главный закон гражданских обществ. Литва, Волынь * желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Российской. Чей голос должен быть слышен для Вашего сердца? Они, в случае войны, впрочем, нимало не вероятной (ибо кому теперь встать на Россию?), могут изменить нам: тогда накажем измену силою и правом; право всегда имеет особенную силу, а бунт, как беззаконие, отнимает ее. Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного державного народа, для нас опаснее поляков-россиян.

Государь! Бог дал Вам такую славу и такую Державу, что Вам без неблагодарности, без греха христианского и без тщеславия, осуждаемого самою человеческою политикою, нельзя хотеть ничего более, кроме того, чтобы утвердить мир в Европе и благоустройство в России. Первый — бескорыстным, великодушным посредничеством, второе — хорошими законами и еще лучшею управою. Вы приобрели уже имя Великого: приобретите имя Отца нашего! Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское, как оно есть, но да существует и Россия, как она есть и как оставлена Вам Екатериною! Екатерина любила Вас нежно, любила и наше Отечество. Ее тень здесь присутствует умолкаю».

* Разумеется шляхта в Литве и Волыни.

«ОН ПОСТОЯЛ НА СТОРОЖЕ РУССКОЙ ЗЕМЛИ»

А. С. ПУШКИН:

«У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых блестящих успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам Ноты «Русской истории» свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех годах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. — Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал «Историю» свою в России; что Государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом

налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верности историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать было от него? Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека».

Н. В. ГОГОЛЬ:

«Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное. Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он весь исполнял долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять. Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именитый гражданин в государстве. Он первый возвестил торжественно, что писателя не может стеснить цензура, и если уже он исполнил чистейшим желанием блага в такой мере, что желание это, занявши всю

его душу, стало его плотью и пищей, тогда никакая цензура для него не строга, и ему везде просторно... Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких мнений и мыслей, хотя они не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. Какой урок нашему брату писателю!.. Имей такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имел Карамзин, и тогда возвещай свою правду: все тебя выслушают, начиная от царя до последнего нищего в государстве».

П. Я. ЧААДАЕВ:

«Что касается в особенности до Карамзина, то скажу... что с каждым днем более и более научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здорово, как толково любил он свое отечество! Как простолюбил любил он его огромностию и как хорошо разумел, что весь смысл России заключается в этой огромности! А между тем как и всему чужому знал цену и отдавал должную справедливость!.. А как писатель, что за стройной, звучной период, какое верное эстетическое чувство! Живописность его пера необычайна; в истории же России это главное дело: мысль

разрушила бы нашу историю кистью одною можно ее создать».

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ:

«Он не объяснял и не обобщал, а живописал, морализовал и любовался, хотел сделать из истории России... героическую эпопею русской доблести и славы. Конечно, он много помог русским людям лучше понимать свое прошлое; но еще больше он заставил их любить его».

В. В. РОЗАНОВ:

«Гениальный создатель «Истории государства Российского» не был или пренебрегал быть творцом-фантастом, довольствуясь не сотворением, а идеальным освещением действительности. Мало кто так доверчиво и благородно любил действительность, как он. Это отразилось на его слове. То величественный, как в «Истории», то оживленный, как в «Письмах русского путешественника», он везде благообразен, избегает излишнего, не бурлит чувствами... Россия с любовью посмотрела в зеркало, которое он ей подставил; и хотя немного обманулась, увидя красивое свое отражение в стекле, но обманулась самым благородным образом, даже самым полезным, все время оправляясь, улучшаясь по показанию немного несправедливого зеркала, которое и льстило и манило и давало силы и бодрость к улучшениям».